

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3768941>

УДК 81.2

Имаева Е.З.

Имаева Елена Зайнетдиновна, кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет управления, 109542, Россия, г. Москва, Рязанский проспект, 99. E-mail: imaeva-elena@mail.ru.

Прерванная интенциональность и эффект *déjà vu*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблематики памяти или дежавю (*déjà vu*) и его отражению в реалистических и модернистских текстах. Рассматривается вид интенциональности – момент *déjà vu*. Интенции указывают на следы опыта рефлексирования над значащими переживаниями, а не над предметными представлениями. Даются характеристики этого опыта рефлексирования над переживаниями: кратковременность, отсутствие людей. В воспоминании *déjà vu* происходит встреча между будущим и прошлым, отражается несостоявшееся будущее. Модернистский текст характеризуется большой дистанцией между означающим и означаемым, которая приводит к уменьшению энергии означивания. Здесь происходит перенос внимания на само «плетение» воспоминания.

Ключевые слова: реалистический текст, возвышенное, рефлексия, понимание текста, образ, неявный смысл, повтор.

Имаева Е.З.

Имаева Елена Зайнетдиновна, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, State University of Management, 109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt 99. E-mail: imaeva-elena@mail.ru.

Interrupted intentionality and effect *déjà vu*

Abstract. The article is devoted to the study of memory or *deja vu* (*déjà vu*) and its reflection in realistic and modernist texts. The kind of intentionality is considered - the moment *déjà vu*. Intentions point to traces of reflection on sense experiences, and not on objective representations. The characteristics of this reflection are given: short duration, lack of people. In the memory of *déjà vu*, the future and the past meet, reflecting the failed future. The modernist text is characterized by a large distance between the signifier and the signified, which leads to a decrease in the energy of signification. Here there is a shift of attention to the very «weaving» of the memory.

Key words: realistic text, sublime, reflection, understanding of the text, image, implied sense, repetition.

Если текст адресуется только к изолированной психике, то такой текст рассматривается как реалистический. Вовлечение в повествование чужого «я» характерно для постмодернизма.

До недавнего времени казалось, что реалистические концепции не относятся к центральным философским проблемам. Однако, современные реалистические

тенденции в философии науки оригинальны, интересны и позволяют по-новому осмыслить многие факты.

Остановимся подробнее на концепции Вальтера Беньямина [2, с. 115], который с помощью эффекта *deja vu* проводит четкое разграничение между моментом вечным и мимолетным и моментом, погруженным в длительность. Как правило, *déjà vu* связывается с картинкой из про-

шлого. Однако, картинка не является «объективной вещью», «образом». *Déjà vu* указывает на следы опыта рефлексирования не над предметными представлениями, а над значащими переживаниями, показывает состояние эго в определенное мгновение в прошлом. Оригинальное объяснение *déjà vu* дает В. Беньямин. Он поясняет, что эта картинка является индексом несостоявшегося будущего, в котором происходит встреча между будущим и прошлым. В момент *déjà vu* пробуждается опыт рефлексирования, который был прерван, не реализован, не завершен в прошлом. Если у М. Хайдеггера [8, с. 81] смерть выходит за рамки хроноса, то у В. Беньямина *déjà vu* принадлежит смыслу и бытию.

Г.И. Богин [3, с. 30], когда пишет об интенциональности, подчеркивает, что интенциональность опирается на индивидуальные человеческие особенности. Здесь мы остановимся на интенциональности неосуществленного будущего. Следует оговориться, что момент *déjà vu* не охватывает какой-либо промежуток времени, он действительно является мгновением, моментом. Другим условием существования этого явления можем считать пустоту. Пустое место не накапливает время. Вследствие отсутствия людей здесь нет ауры, и картина лишена настроения. Это позволяет обнаружить категорию «переход во времени», а пространству стать пронизываемым.

Рассмотрим два фрагмента из романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» [10]. Оба отрывка представляют собой воспоминания, но только первый из них связан с эффектом *deja vu*, индексом несостоявшегося будущего. Интуиция величайшего романтика XX века Ф.С. Фицджеральда здесь сработала безошибочно:

1. «And as I sat there brooding on the old, unknown world, I thought of Gatsby's wonder when he first picked out the green light at the end of Daisy's dock. He had come a long way to this blue lawn, and his dream must have seemed so close that he could hardly fail to grasp it. He did not

know that it was already behind him, somewhere back in that vast obscurity beyond the city, where the dark fields of the republic rolled on under the night. Gatsby believed in the green light, the orgiastic future that year by year recedes before us. It eluded us then, but that's no matter - tomorrow we will run faster, stretch out our arms farther... And one fine morning - so we beat on, boats against the current, borne back ceaselessly into the past» [10, с. 195].

2. «Myrtle pulled her chair close to mine, and suddenly her warm breath poured over me the story of her first meeting with Tom. «It was on the two little seats facing each other that are always the last ones left on the train. I was going up to New York to see my sister and spend the night. He had on a dress suit and patent leather shoes, and I couldn't keep my eyes off him, but every time he looked at me I had to pretend to be looking the advertisement over his head. When we came into the station he was next to me, and his white shirt – frontpressed against my arm, and so I told I'd have to call policeman, but he knew I lied. I was so excited that when I got into a taxi with him I didn't hardly know I wasn't getting into a subway train. All I kept thinking about, over and over, was You can't live forever, you can't live forever» [10, с. 31].

Первый текст вписывается в горизонт возможного. Он выпадает из хронологии, из причинно-следственной цепочки, вписанной в хронологию существования, тем самым попадая в зону бытия, в место истинного. Истина всегда вырывается из причинности. Желание Гэтсби направлено в будущее, но одновременно разворачивает нас в прошлое. Зеленый огонек на безлюдном причале на самом деле несет в себе возможность заполнения, переводит картину в виртуальную, превращая ее в пространство воображения.

Во втором фрагменте накопление многочисленных картинок, изображений приводит к полному погружению в поток, тем самым подводя к слепоте в конфигурации судьбы. Ведь здесь усматривается какой-то момент существования: едет электричка, двое сидят друг против

друга, выходят из вагона, садятся в машину. Здесь очень много содержания в ущерб многозначному смыслу.

Чем отличается подход Пруста с его непрерывным потоком повествования от подхода Беньямина? Прежде всего, Беньямин говорит только о пространстве, мгновениях и разрывах. Кроме того, он считает выражение *déjà vu* неудачным. Здесь скорее следовало бы говорить о метафоре, связанной со звуком, например, об «эхо». Будущее, пробуждаемое в момент *déjà vu* – это то будущее, которое не осуществилось, в следствие чего мы его не смогли полностью прочувствовать, пережить.

Как традиционно объяснялось воспоминание? В прошлом было дано какое-то событие, а настоящее пытается интерпретировать эту неизменную точку в прошлом.

Беньямин инициировал отказ от этого постулата и предложил концепцию, в которой отношения меняются. Прошлое не является незыблемой точкой, а оказывается внезапной мыслью, которая связана с настоящим. Таким образом, настоящее пропитано прошлым. Е. Павлов [7] связывает это внезапное «озарение» с шоком, разрывом, вспышкой. Настоящее пропитывается этим шоком.

Это также может дать ключ к толкованию природы модернистского текста. Как известно, такие фрагментарные тексты (в отличие от реалистических с их непрерывным потоком повествования) не поддаются образному описанию.

В настоящее время понимание модернистских текстов, выявление стратегий чтения модернистских текстов является одной из актуальнейших проблем. Как известно, модернистские тексты характеризуются затемненностью, и не поддаются изображению, так как образная картина размыта. Это происходит из-за фрагментарности повествования.

Согласно Е. Павлову, модернистские тексты можно соотнести с кантовской концепцией возвышенного чувства. Общеизвестно, что И. Кант [6, с. 20] подробно дает характеристики искусства.

При этом он говорит, что искусство имеет цезуры, оно останавливается в результате своеобразного шока. А этот шок и есть художественная правда содержания. Таким образом, красота, на самом деле, находится поодаль от места «источка».

В. Беньямин в своей работе «Берлинская хроника» припоминает картину из детства и замечает, что именно ее шок отделил от более поздних воспоминаний. Сколько бы времени не прошло, именно это событие остается в памяти автора наиболее ярким и четким.

Первое воспоминание связано с городом Потсдамом, где семья снимала летнюю квартиру. Летний вечер. Горничная стоит у калитки в саду, где мальчик играл целый день. У ребенка есть секрет – ночью ему приснился сон. Во сне вор проникает комнату родителей и ворует полные корзины вещей. Таков был сон. Однако, следующей ночью на самом деле происходит ограбление дома.

Таким образом, чем больше дистанция между означающим и означаемым, которая приводит к уменьшению энергии означивания, тем ближе текст модернистскому опыту.

В следующем фрагменте шок читателя мы связываем с моментом пробуждения рефлексии читателя при понимании текста.

«In fact, Mr Stevens», she called, «I would ask you from now on not to speak to me directly at all». «Miss Kenton, whatever are you talking about»? «If it is necessary to convey a message, I would ask you to do so through a messenger. Or else you may like to write a note and have it sent to me. Our working relations, I am sure, would be made a great deal easier» [11, с. 97].

Во фрагменте мы видим, что образ не представляет собой какой-либо предмет или явление. Образ дан в виде одновременного мерцания 3-х ипостасей: во-первых, того, что пробуждается при рефлексивном понимании текста (понимание модернистского текста), во-вторых, одновременно того, в чем отражается это явление (многозначная лексика), и, наконец, в-третьих, образ представляет собой

отношения, связь между ними или структурой.

В данном тексте мы видим имплицитный способ повествования, при котором внешний облик слова взаимодействует с внутренней формой слова.

Например, выражение «not to speak directly» не только означает «не говорить прямо, без прикрас, без украшений», но и говорить фразами, полными скрытых,

неявных смыслов, помогающих представить модернистский текст.

Добавим, что в отрывке автор использует повторение, интенциональное слияние фраз и слов: not to speak directly, to convey a message through a messenger, to send a note to me. Заметим, методом провоцирования внимания читателя здесь является прием вопрошания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беньямин В. Берлинская хроника // Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Манделштама. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 165-209. С. 167.
2. Беньямин В. Учение о подоби: медиаэстетические произведения. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. 290 с. С. 115
3. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь: Изд-во ТГУ, 1993. 137 с.
4. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин: Изд-во КГУ, 1982. 50 с.
5. Имаева Е.З. Смысловая организация реалистических и авангардистских текстов. М.: РИЦ МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2004. 172 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с. С. 20.
7. Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Манделштама. М. Новое литературное обозрение, 2014. 224 с.
8. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. 528 с. С. 81.
9. Ямпольский М.Б. Из хаоса (Драгомощенко: поэзия, фотография, философия). СПб.: Сеанс, 2015. 280 с.
10. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. М.: Эксмо, 2018. 196 с.
11. Ishiguro K. The Remains of the Day. L.: Faber & Faber, 1999. 266 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ben'jamin V. Berlinskaja hronika // Pavlov E. Shok pamjati. Avtobiograficheskaja pojetika Val'tera Ben'jamina i Osipa Mandel'shtama. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. S. 165-209. S. 167.
2. Ben'jamin V. Uchenie o podobii: mediajesteticheskie proizvedeniya. M.: Izdatel'skij centr RGGU, 2012. 290 s. S. 115
3. Bogin G.I. Substancial'naja storona ponimaniya teksta. Tver': Izd-vo TGU, 1993. 137 s.
4. Bogin G.I. Filologicheskaja germenevtika. Kalinin: Izd-vo KGU, 1982. 50 s.
5. Imaeva E.Z. Smyslovaja organizacija realisticheskikh i avangardistskikh tekstov. M.: RIC MGOPU im. M.A. Sholohova, 2004. 172 s.
6. Kant I. Kritika chistogo razuma. M.: Mysl', 1994. 591 s. S. 20.
7. Pavlov E. Shok pamjati. Avtobiograficheskaja pojetika Val'tera Ben'jamina i Osipa Mandel'shtama. M. Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 224 s.
8. Hajdegger M. Istok hudozhestvennogo tvoreniya. M.: Akademicheskij proekt, 2008. 528 s. S. 81.
9. Jampol'skij M.B. Iz haosa (Dragomoshhenko: pojezija, fotografija, filosofija). SPb.: Seans, 2015. 280 s.

-
10. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. М.: Jeksmo, 2018. 196 s.
 11. Ishiguro K. The Remains of the Day. L.: Faber & Faber, 1999. 266 s.

Поступила в редакцию 11.04.2020.
Принята к публикации 16.04.2020.

Для цитирования:

Имаева Е.З. Прерванная интенциональность и эффект déjà vu // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 153-157. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Imaeva.pdf>